

Литвинцева Галина Юрьевна

"ВЕЛИКИЕ МЕТАПОВЕСТВОВАНИЯ" ЭПОХИ МОДЕРНА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Цель статьи - в выявлении причин кардинальной переоценки ведущих идей модерна в эпоху постмодернизма, теоретики которого объявили о конце просветительского логоцентризма, провозгласили равноценность любых форм рациональности, различных творческих парадигм. В условиях трансформации просветительских ценностей эпохи модерна происходит сближение высокой и потребительской культуры. Автор делает акцент на том, что постмодернизм - не искомый тип сознания для человечества, но его значение заключается в признании культурного полифонизма, открывающего простор для подлинного диалога, в освобождении от догм в познании и восприятии окружающего мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-2/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 124-127. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ // СЗРФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
8. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ // СЗРФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
9. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.
10. Салахова Ж. В., Латыпов В. С. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32). Ч. 1. С. 151-153.
11. Тарасов А. А. Об участии стороны защиты в назначении и производстве экспертизы по уголовным делам // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. Самара, 2005. С. 29-40.
12. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 184 с.
13. Туманов Г., Хамраев В. За Уголовный кодекс вводят всенародную ответственность // Коммерсантъ. 2014. 2 октября.

OPTIMIZATION OF JUDICIAL AND EXPERT ACTIVITY IN RUSSIA: CRIMINAL PROCEDURAL ASPECT

Latypov Vadim Sagit'yanovich, Ph. D. in Law

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Vadi-Latypov@yandex.ru

In the article the analysis of the procedural legislation of Russia regulating judicial and expert activity is carried out, certain existing problems and ways of their solution are pointed. The necessity of the procedural fixation of the head of the judicial and expert organization in the capacity of other participant of criminal legal proceedings as an independent, full-fledged subject of criminal trial is revealed and grounded. On the basis of the conducted research the author suggests amending Chapter 8 of the Criminal Procedural Code with an additional norm, which provides the legal status of the head of the judicial and expert organization, its definition is given, the basic rights, duty, responsibility and guarantees of safety ensuring inherent in any participant of criminal trial are formulated.

Key words and phrases: criminal procedure; head of judicial and expert organization; trial participant; safety ensuring; judicial and expert activity; other participants of criminal legal proceedings; expert.

УДК 008

Культурология

Цель статьи – в выявлении причин кардинальной переоценки ведущих идей модерна в эпоху постмодернизма, теоретики которого объявили о конце просветительского догматизма, провозгласили равноценность любых форм рациональности, различных творческих парадигм. В условиях трансформации просветительских ценностей эпохи модерна происходит сближение высокой и потребительской культуры. Автор делает акцент на том, что постмодернизм – не искомый тип сознания для человечества, но его значение заключается в признании культурного полифонизма, открывающего простор для подлинного диалога, в освобождении от догм в познании и восприятии окружающего мира.

Ключевые слова и фразы: постмодернизм; разум; прогресс; антропоцентризм; европоцентризм; гиперреальность; плюралистическая модель.

Литвинцева Галина Юрьевна, к. пед. н., доцент

Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

galinalitvinceva@yandex.ru

«ВЕЛИКИЕ МЕТАПОВЕСТВОВАНИЯ» ЭПОХИ МОДЕРНА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ[©]

Со второй половины XX столетия индустриальная эпоха модерна сменяется постиндустриальной эпохой постмодерна, которая окончательно утверждается в конце XX – начале XXI в. Социокультурная ситуация характеризуется радикальными изменениями в культурах всего мирового пространства.

В эпоху постмодерна с 1950-х гг. в США возникает художественное течение постмодернизм в области архитектуры и живописи, чуть позже, в том числе и в Европе, появляются литературная и музыкальная формы постмодернизма. В 1980-е гг. постмодернизм сформировался как особое идейное и теоретическое течение и стал быстро проникать во все сферы социально-гуманитарного знания и оказывать влияние на различные сферы общественной жизни. Постмодернизм отражает кризис эпохи модерна, которая, прежде всего, была связана с развитием ценностей западной культуры.

В Новое время, или в эпоху модерна, ведущими идеями становятся идея разума, прогресса, идея антропоцентризма и европоцентризма, которые Ж. Ф. Лиотар назвал ведущими ценностями эпохи модерна, или «великими метаповествованиями» [15]. Наиболее полно эти ценности воплотились в идеологии эпохи Просвещения, которая непосредственным образом связана с европейским Возрождением и рационализмом XVII в.

Основной идеей мировоззренческого проекта эпохи модерна становится вера в возможность человеческого разума познать мир как некое целое, как единую систему, подчиняющуюся определенным объективным законам. Культ разума и прогресса приводит в XVIII в. к завышенной оценке значения рационально-научного знания. Для Вольтера оно оказывается «единственным средством нравственного совершенствования человека, единственным путем цивилизации “естественной природы” человека, в теории “просвещенной монархии” – средством утверждения “разумного” политического режима» [9, с. 190].

По другому на научный прогресс смотрел Ж.-Ж. Руссо, считавший его основным разрушителем нравственности. В одном из писем к Вольтеру он утверждал, что культуру «можно сравнить с ужасным мечом, воткнутым в молодой здоровый ствол. После того как железо вошло в дерево, его никоим образом не следует вытаскивать, ибо тогда дерево погибнет. Но все же было бы лучше, если бы железо никогда не входило в дерево» [5, с. 407].

Как и Ж.-Ж. Руссо, И. Кант основой общественного развития считал нравственные ценности. Философ отстаивает мнение о том, что разум и научное знание не всемогущи и должны быть дополнены верой. Не случайно положения его «категорического императива» (основного закона этики) тесно связаны с христианством [4].

Для Г. Гегеля весь мир – это исторический процесс развертывания и реализации возможностей «мирового разума». В отличие от И. Канта, у него «царство свободы» не противостоит объективному миру, и в его рамках осуществляется моральный выбор субъекта: «свободный дух осуществляется в действительности, в том числе в сфере “объективного духа”, в истории» [12, с. 65]. В традициях Просвещения Г. Гегель раскрывает и культуру, которая выступает средством реализации мирового разума.

Просветители XVIII в. также связывали идею прогресса с необходимостью «просветления умов», просвещения людей. Гуманисты эпохи Возрождения и просветители XVIII в. принимают на себя роль воспитателей человеческих душ, что в культурологическом смысле означает принятие на себя роли, которую в Средневековье брали на себя церковнослужители. А. Ф. Лосев достаточно глубоко показал двойственность Ренессанса, которая проявилась, с одной стороны, в мощном антропоцентризме, а с другой стороны, в понимании ограниченности человеческого существа, когда «всесильный человек создавал свое бессилие» [7, с. 387]. В последующей эстетике и в западноевропейской культуре в целом побеждает первая сторона дуализма – торжествует вера в безграничные возможности человека в преобразовании природы и общества, которая, в конечном счете, терпит крах.

Достижения Западной Европы в области науки и техники в эпоху модерна способствовали формированию точки зрения, согласно которой европейская цивилизация представляет собой некий образец развития, и исторический путь, пройденный западными странами, является единственно правильным. Наиболее последовательно теория европоцентризма была разработана Э. Трельчем, считавшим, что у народов вне Европы отсутствуют историческое самосознание и критическое отношение к прошлому [11, с. 610].

В целом эпоха модерна основывалась на просветительском понимании культуры, и просветительские теории были связаны со стремлением привести мир к идеалу, установлению всеобщего счастья.

В эпоху постмодерна на смену классическому типу рациональности, с его детерминизмом, преклонением перед разумом, приходит постмодернистская раскованность, радикальная гетерогенность, полифония культурных миров.

Постмодернизм является реакцией на антропологический кризис, приведший к пересмотру взгляда на человека как «центра Вселенной». Как отмечает М. Эпштейн, «оказалось, что ничем-то он, человек, не владеет, а все владеет им: извне – государство, общественные механизмы, тоталитарный строй; изнутри – подсознание, сверхсознание, комплексы, чувство вины» [14, с. 312]. Постмодернизм одновременно порожден этой ситуацией и отражает ее.

М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотар объявили о конце просветительского логоцентризма и сформулировали основные принципы постмодернизма. Ж.-Ф. Лиотар выражает недоверие к «метарассказам», которые «тотализируют представления о современности» [15, р. 7]. К ним философ и относит главные идеи Нового времени – гегелевскую диалектику духа, эмансипацию личности, идею прогресса, представление Просвещения о знании как средстве установления всеобщего счастья и т.д. Французский мыслитель не верит в универсальность учения о бытии и предостерегает современного человека от опасности поглощения его метаповествованиями. В этой связи голландский критик Т. Д’ан делает акцент на важнейшем постмодернистском приеме обращения к метаповествованиям в форме пародии для доказательства их бессмысленности и бессилия [3, с. 228].

О власти «научных дискурсов» над сознанием человека говорил и М. Фуко, отмечая, что знание, добываемое наукой, относительно и сомнительно с точки зрения «всеобщей истины». Как отмечает И. П. Ильин, «самым существенным в общем учении Фуко явилось его положение о необходимости критики “логики власти и господства” во всех ее проявлениях» [Там же, с. 68].

Осуществляя пересмотр научной картины мира, постмодернизм отрекается от стремления к одной единственной истине, к одному художественному методу и к одной научной методологии. В постмодернистской философии признается равноценность любых форм рациональности, различных творческих парадигм, которым в эпоху модерна было отказано в легитимности. Нет принципиальной разницы и между научной теорией и вымыслом, «чудесным и вероятным», «реальным и мифическим». Литература превращается в модель для всех текстов, и литературность любого дискурса делает возможным надделение смыслом мира и нашего

его восприятия. М. К. Рыклин считает, что такого рода теоретический дискурс, впитавший в себя особенности художественного дискурса, – черта постмодернистской эпохи [10, с. 100]. Данную черту анализирует и В. М. Дианова, подчеркивая тенденцию современной культуры сближения восточной традиции и западных научных изысканий, что приводит к отказу от европоцентризма и «поиску дополнительных языков описания, одним из которых является художественный» [2, с. 24].

М. Фуко в своей книге «Слова и вещи» ссылается на произведение Х. Борхеса, где цитируется «некая китайская энциклопедия». В ней говорится, что животные подразделяются на: «а) принадлежащих императору; б) бальзамированных; в) прирученных; г) молочных поросят; д) сирен; е) сказочных; ж) бродячих собак; и т.д.» [13, с. 28]. М. Фуко очарован этой недопустимой с научной точки зрения классификацией, не имеющей единого основания, соединяющей несоединимое. Можно сказать, что данная классификация, является символом современной культуры, утратившей веру в «великие метаповествования». Отказ постмодернизма от европоцентризма и этноцентризма, проявление интереса к особенностям культур Востока, Латинской Америки, Африки свидетельствует о признании равноценности культур.

В просветительской модели культуры делался акцент на приобщении человека к «высокому», «вечному». В условиях трансформации просветительских ценностей эпохи модерна происходит сближение высокой и потребительской культур, у новых культурных потребителей формируется разнообразие вкусовых предпочтений. Ж. Бодрийяр считает абсурдным противопоставлять по ценности «ученую» культуру и культуру массмедийную [1, с. 91]. «Высокая» культура в обществе потребления также становится объектом потребления. Хотя иерархически она выше по сравнению с предметами домашнего обихода, комфорта, престижа, тем не менее, и классические произведения искусства, и музыка выступают в качестве знаков престижа и статуса и могут быть проданы в драгсторе. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «высокая» культура подчинена тому же конкурентному спросу на знаки и производится в зависимости от этого спроса.

Плюралистическая модель культуры эпохи постмодерна основывается на гедонистической, коммуникативной, компенсаторной, креативной концепции. В ней существуют и взаимообуславливают друг друга различные направления и течения, которые направлены на формирование аудитории «нового типа». Просветительское отношение к культуре сменяется гедонистическим, особенностью которого является «символический, а не утилитарный характер потребительских ценностей, призванных в условиях потребительной свободы удовлетворить потребность в радости, счастье, удовольствии посредством обмена не вещами, а информацией, знаками. Возрастание роли эстетических симулякров нейтрализует вкусовые различия» [8, с. 153]. Интересы аудитории «нового типа» фокусируются на пересечении границ: в один из вечеров человек слушает оперу, а в следующий – идет на рок-концерт или лазерное шоу. Для нее характерна ориентация не только на потребление культурных услуг, но и на творчество, на раскрепощение творческой энергии. Именно поэтому поиск новых культурных форм связан с тенденцией смешения элементов элитарной и массовой, традиционной и мировой культур.

По мере развития постмодернистской ситуации становится ясно, что постмодернизм не искомый тип сознания для человечества. В то же время, как отмечает В. Вельш, наша реальность и жизненный мир стали «постмодерными», и постмодернизм «не выдумал эту ситуацию, а лишь только ее осмысливает» [16, S. 4]. Х. Кюнг также заявляет, что «постмодернизм это не лозунг, помогающий в споре уязвить противника, а проблемно-структурирующий “поисковый термин”, применяемый для анализа явлений, отличающих нашу эпоху от эпохи модернизма» [6, с. 224].

Если постмодернизм понимать не как «химеру», сочетающую в себе несоединимое, а как непосредственное отражение реальных, противоречивых и не вписывающихся в рационально мыслимые рамки процессы в современном обществе, то именно принцип плюрализма является фундаментальным для его осмысления. Из этого принципа вытекают и такие характеристики постмодернизма, как фрагментарность, неопределенность, эклектичность, деконструкция, ирония, игра, симуляция, которые, в свою очередь, определяют специфику модели культуры постмодерна.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 272 с.
2. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: Петрополис, 1999. 240 с.
3. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 255 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998. 960 с.
5. Культурология. XX век: антология. М.: Юрист, 1995. 703 с.
6. Кюнг Х. Религия на переломе эпох. Тринадцать тезисов // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 223-229.
7. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982. 624 с.
8. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
9. Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. М.: Наука, 1993. 213 с.
10. Рыклин М. К. Мишель Фуко: мыслитель литературой // Эстетический логос. М., 1990. С. 94-102.
11. Трельч Э. Историзм и его проблемы: логическая проблема философии истории / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 719 с.
12. Философия культуры. Становление и развитие. СПб.: Лань, 1998. 448 с.
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 407 с.
14. Эпштейн М. Н. Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 559 с.
15. Lyotard G.- F. La condition postmoderne: rapport sur le savoir. P., 1979. 109 p.
16. Welsch W. Unserer postmoderne Moderne. Weinheim, 1987. 344 S.

“GREAT META-NARRATIVES” OF ART NOUVEAU ERA IN POSTMODERNIST DISCOURSE

Litvintseva Galina Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Culture and Arts
galinalitvinceva@yandex.ru

The aim of the article is identifying the reasons of the drastic revaluation of the leading ideas during art nouveau era, which theorists announced the end of educational logocentrism, and proclaimed the equivalence of all the forms of rationality, different creative paradigms. The convergence of high and consumer culture occurred under the conditions of the transformation of the educational values of art nouveau era. The author emphasizes the fact that postmodernism is not a desired type of consciousness for humanity, but its importance is in the recognition of cultural polyphony opening space for a genuine dialogue, in liberation from dogma in the cognition and perception of the world.

Key words and phrases: postmodernism; mind; progress; anthropocentrism; Eurocentrism; hyperreality; pluralist model.

УДК 1:616.89-008.441.33-084

Философские науки

Статья посвящена философскому осмыслению дискурсивных практик наркозависимости. Показано, что способы говорения о наркотиках делятся по принципу взаимоисключения: табуирующий дискурс о наркотиках как об абсолютном Зле и противоречащий ему дискурс о спасении, в котором вместо фатальной безнадежности появляется обещание надежды. Наличие дихотомии в дискурсивных практиках приводит к возникновению в обществе состояния беззаботности. Дуализм понятий в формах описания наркозависимости становится проблематичным. Отсутствие диалектического противопоставления делает дискурс запугивания недостаточно эффективным.

Ключевые слова и фразы: наркотическая зависимость; здоровый образ жизни; забота о себе; бинарные оппозиции; стратегия запугивания; стратегия спасения.

Макаров Андрей Валерьевич, к. филос. н., доцент
Тверская государственная медицинская академия Минздрава России
danya72@mail.ru

Михеев Михаил Игоревич, к. филос. н., доцент
Чистякова Дарья Дмитриевна
Тверской государственный технический университет
danya72@mail.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ ДИСКУРСОВ О НАРКОЗАВИСИМОСТИ[©]

В ходе модернизации современное российское общество сталкивается с разнообразными социальными, экономическими, политическими, культурными и др. проблемами. Весьма важно выработать эффективные стратегии описания и понимания этих проблем для их дальнейшего преодоления.

Одной из болезненных, острейших и важнейших проблем на сегодняшний момент является проблема осмысления феномена наркотических зависимостей. Она не только не теряет своей значимости, а наоборот, становится все более актуальной.

Определение наркомании является достаточно общим и абстрактным, с невысокой степенью рефлексивности. «Термин “наркомания” применяется давно и в разных значениях. Он рассматривается многими в качестве самостоятельной нозологической единицы как истощающее индивида расстройство, коренящееся в фармакологическом действии наркотика и беспощадно прогрессирующее» [6, с. 43]. Оно необходимо для обозначения и описания широкого круга социальных, психологических, культурных и медицинских феноменов, однако является недостаточным для осмысления в новых социально-культурных условиях и требует современной интерпретации.

Пропаганда «здорового образа жизни» [5, с. 133], как одна из компонент воспитательной работы преподавателей вузов, безусловно, требует от нас рефлексии проблемы наркотической зависимости и включения опыта этой рефлексии в процесс образования.

Из доклада администрации Тверской области о наркоситуации в 2013 году, известно, что на диспансерном наблюдении состоит 1595 лиц с диагнозом наркомания, 44 лица с диагнозом токсикомания, 155 лиц с диагнозом злоупотребление наркотиками без явлений зависимости и 109 лиц с диагнозом злоупотребление ненаркотическими (токсическими) веществами. Возрастает численность злоупотреблений наркотиками без явлений зависимости (за последние три года на 15%). По различным источникам истинный уровень заболеваемости наркоманией превышает зарегистрированный наркологической службой от 3 до 8 раз [7]. Количество умерших больных от наркомании из года в год растет в среднем на 10%. В самом отчете выражены опасения, что в ближайшие годы возможен рост общей заболеваемости наркоманией по Тверской области. Что касается